

Семантическая структура иноязычной лексемы в русском языке (на примере корейской лексемы **кисэн)**

© кандидат филологических наук *Е. Н. Филимонова, 2000*

Лексемы, обозначающие реалии социальной иерархии типа **кисэн**, интересны прежде всего тем, что им свойственно разграничение значения и коннотации (ср. русские слова типа *чиновник, сановник, бюрократ*, различные наименования женщин легкого поведения и т. п.). О коннотативных значениях слов написано немало работ: Апресян 1995, 156–177; Иорданская, Мельчук 1980, 191–210; Телия 1986 и др.

По мнению Л. Н. Иорданской и И. А. Мельчука: “Лексическая коннотация лексической единицы L есть некоторая характеристика, которую L приписывает своему референту и которая не входит в ее толкование” (Иорданская, Мельчук 1980, 196).

Общеизвестно, что при заимствовании иноязычная лексема может потерять свои коннотативные связи, а в языке-рецепторе приобрести новые. Однако, что касается коннотативных связей экзотизмов-кореизмов, употребление которых ограничено рамками русских текстов переводов, русскоязычной специальной этнографической литературой, записками путешественников, то, как показали исследования, они сохраняются. Возможно, одной из причин этого является употребление их в тематически ограниченных русских текстах. Авторы русских текстов о Корее и корейцах, переводчики художественных произведений переносят в текст не только саму корейскую лексему, но и коннотации, присущие ей в языке-источнике. Так, корейская лексема **кисэн** в корейском языке может иметь как негативную коннотацию, когда речь идет об образе жизни, поведении **кисэн**, так и положительную, когда речь идет о красоте корейских **кисэн**. Как показали исследования, эти связи сохранились в русских текстах переводов (иллюстративные примеры представлены ниже).

Для русскоязычного читателя же кореизмы такого рода без пояснений переводчика представляют вполне нейтральные понятия, не связанные ни с чем знакомым из его культуры и поэтому не могущие вызвать ни положительного, ни отрицательного отношения. Какой задать тон корейской лексеме зависит всецело от автора русских текстов о Корее и корейцах, переводчиков художественных произведений. Именно автор или переводчик дает положительный или отрицательный “заряд” кореизму, тем самым формирует отношение к данной лексеме у русскоязыч-

ного читателя. Одни переводчики дают нейтральное пояснение, другие для пояснения используются русские лексемы, имеющие в русском языке негативную коннотацию (**кисэн** – *невички, девицы*).

Наиболее емкое, четкое толкование корейзма **кисэн**, с нашей точки зрения, дано в комментариях к книге “Верная Чхунхян” (1990) (составитель Комментария – Д. Елисеев), в Примечании к сборнику “Бамбук в снегу” (1978) (составители Л. Концевич и М. Никитина), в Комментарий к сборнику “Повести страны зеленых гор” (1966) (составитель Б. Рифтин), в Примечаниях к роману Ким Ман Чжуна “Облачный сон девяти” (составитель Л. Меньшиков) и др.: **кисэн** – певички и танцовщицы в старой Корее; принадлежали к низшему сословию “подлых”.

Подобное толкование, как нам кажется, по краткости, емкости и четкости изложения приближается к энциклопедическому.

Внутриконтекстное толкование корейзма **кисэн** в основном характерно для записок путешественников, этнографической литературы. Причем, интересно отметить, что в разных контекстах лексема **кисэн** может реализовать свои различные стороны, компоненты значения. Какую сторону значения подчеркнуть, какой оттенок выделить – зависит от позиции автора. Иногда такое одностороннее, однобокое толкование ситуативно обусловлено, чаще – нет.

Корейзм **кисэн** может находиться как в препозиции, так и постпозиции по отношению к русскому пояснению, которое может быть в виде одной лексемы, словосочетания или довольно развернутого толкования.

Автор предисловия М. И. Никитина выделяет один из компонентов семантической структуры корейзма, ставя его в постпозицию по отношению к однословному эквиваленту – *певички*. В постпозиции по отношению к корейзму оказывается вторая часть толкования, раскрывающая социальное положение **кисэн**.

“Поэзия на родном языке приобретает невиданную популярность. Так, в жанре **сиджо**, особенно бурно расцветшем в XVI–XVIII вв., авторами выступают и государи, и певички-**кисэн**, парии сословного феодального общества” (“Бамбук в снегу” 1978, 78).

Далее М. И. Никитина на стр. 18 дает более развернутое толкование этого корейзма. В семантический объем этого слова ею включается еще один компонент: *образованные и талантливые поэтессы*.

“К жанру **каё** восходит любовная тематика, получившая развитие в **сиджо** XVI–XVIII вв., когда литература обратилась к человеку вне “деловой” сферы. Особенно она культивировалась в творчестве **кисэн** – певички и танцовщиц, среди которых было немало образованных и талантливых поэтесс” (“Бамбук в снегу” 1978, 18).

Корейзм **кисэн** находится в препозиции по отношению к русскому пояснению. В семантическом объеме корейзма **кисэн** М. И. Никитиной

выделяются три компонента: *певицы, танцовщицы и образованные и талантливые поэтессы.*

В другом внутритекстовом пояснении на первое место ставится социальный статус **кисэн**, затем через дефис указывается их род занятий. Кореизм находится в постпозиции и отделен от пояснения скобками.

“В корейском обществе на особом положении находились лица, занимавшиеся семью так называемыми презренными профессиями. К ним относились служебные служители; шаманки (**мудань**); *государственные рабыни-танцовщицы (кисэнь)*” (Ионова 1982, 39).

Ю. В. Ионова выделяет еще один компонент в семантическом объеме кореизма **кисэн**: *красивая девушка.*

“Соревнования в стрельбе из лука были известны в Корее с давних времен. Ежегодно в Сеуле устраивались большие состязания... Затем самая красивая девушка (**кисэн**) исполняла для победителя танец” (Ионова 1987, 28).

Д. Д. Елисеев в Комментариях к книге Сон Хёна “Гроздь рассказов Ёнчже” (“Петербургское востоковедение” 1994, 90) добавляет новые компоненты к семантической структуре кореизма **кисэн** – *обученные с детства в специальных школах, молодые женщины, обычно из бедных семей.* Следует отметить, что пояснение к кореизму **кисэн** является наиболее полным, представляющим собой микротекст.

“**Кисэн** – обученные с детства в специальных школах молодые красивые женщины (обычно из бедных семей), в обязанность которых входило участие в различных обрядах и ритуалах, а также прислуживание и развлечение мужчин танцами, пением, беседами на различных празднествах и пирушках. Начиная с периода Корё, **кисэн** принадлежали Кёбану (впоследствии к Якбану и Санбану), отделению ритуальной и народной музыки в Музыкальной палате.”

Еще два компонента в семантическом объеме кореизма **кисэн** открывает Е. О. Паукер в своей книге “Корея” – *куртизанки и блестящие, интересные собеседницы.* В пояснении дано описание социального статуса, образа жизни и т. п. корейских **кисэн**.

“Куртизанки или **кисаны**, как их называют в Корее, стоят особняком, образуя отдельный класс. Они выделяются среди корейских женщин своей интеллигентностью и получают хорошее образование, так как должны быть блестящими интересными собеседницами. Их обязанности, обстановка и образ жизни те же, что и у японской гейши. Они состоят в ведении правительственного департамента, получают жалование из казны и обязаны присутствовать на всех официальных празднествах. **Кисэн** учат декламировать, петь и танцевать” (Паукер 1904, 33).

Как видно из вышеприведенного примера, кореизм поясняется при помощи укоренившегося в русском языке заимствования из француз-

ского языка – *куртизанки*, которое имеет значение в русском языке: ‘Женщина легкого поведения, имеющая покровителей в высшем обществе’ (Ожегов, Шведова 1992, 323). Поясняемая лексема **кисэн** стоит в постпозиции и отделяется от поясняющего *куртизанки* союзом **или**.

Русский однословный эквивалент может привносить в текст произведения пейоративную коннотацию.

“В Сонхвадане (здесь губернатор вел дела) глубокой ночью устраивалось прощальное пиршество в честь губернатора. доносились тошнотворные песенки **кисэн** (*девицы*)” (Ли Ен Гю 1979, 58).

В примере, представленном выше переводчиком (фамилия переводчика не указана), выбрана в качестве однословного эквивалента лексема *девицы*. С нашей точки зрения, лексема *девица* не вполне нейтральное понятие, она коннотативно обусловлена. Употребление ее в качестве эквивалента корейзма **кисэн** передает отрицательный заряд всему отрывку из произведения.

Лексема *девица* имеет значение – ‘девушка легкого поведения’ (см. ССРЛЯ 1993, Т.1, 97). Этому способствует употребление эпитета *тошнотворные* (песенки).

В качестве другого однолексемного эквивалента переводчица Т. Бугаева использует русскую лексему *невички*, которая в русском обыденном сознании может отождествляться с женщиной, развлекающей посетителей ресторана или кафе (обычно дешевых) и отличающейся сомнительным поведением.

“Впрочем, плясали мы все весьма усердно, а когда кончили, братья предложили ехать к **кисэн**” (Чон Сук Хи 1993, 217). В подстрочной сноске: **кисэн** – *невичка*.

Корейзм **кисэн** может толковаться при помощи другого однословного эквивалента – укоренившегося в русском языке заимствования из японского языка – *гейша*.

“Кругом было тихо. Но вдруг где-то недалеко послышались звуки барабана. Затем высокий женский голос запел песню. Наверное, это пела **кисэн**” (Хван Ген 1960, 27). В подстрочной сноске: **кисэн** – *гейша*.

Используя в качестве пояснения заимствование из другого языка, переводчица Л. В. Журавлева, очевидно, уповает на разносторонние знания русскоязычного читателя. Заимствование *гейша* имеет в русском языке значение: “В Японии – женщина, обученная музыке, танцам, умению вести светскую беседу и приглашаемая на роль гостеприимной хозяйки на приемы, банкеты и т. п.” (ССИС 1994, 139).

Для получения информации о семантике корейзма **кисэн** из лексикографических источников обратимся к словарям корейского языка.

“**Кисэн** – женская профессия в феодальной Корее: развлекать песни и танцами гостей на пирах” (Самсонпан 1986, Т. 1, 265). “**Кисэн** –

женщина в старой Корее, прислуживавшая мужчинам на пирах и развлекавшая их пением и танцами” (БКРС 1976, Т. 1, 180).

Если собрать вместе все толкования корейсизма **кисэн**, то выясняется, что они не противоречат, а наоборот, дополняют друг друга, создавая полное представление о семантическом объеме лексемы, ее коннотативных связях в языке-источнике. Каждое из компонентов расширяет, углубляет семантическую структуру слова, делая ее более объемной.

Корейсизм **кисэн** можно встретить и в сравнительной конструкции, где красота и богатый наряд женщины сравнивается с красотой и богатством наряда **кисэн**. Однако в сравнении содержится все та же пейоративная коннотация, которая присутствовала в ряде вышеприведенных примеров.

“Богатое платье супруги Хынбу и явное довольство в доме привели его в бешенство, он прохрипел со злостью: – Хм, блистает, что твоя **кисэн** из губернской управы...” (“Братья Хынбу и Нольбу” 1990, 150).

Анализ семантической структуры лексемы **кисэн** подтверждает, что “любое толкование значения – лишь один из возможных вариантов его описания, далеко не единственный и не исчерпывающий всего содержания значения” (Стернин 1985, 13), что реальное содержание значения слова намного глубже, объемнее, богаче его лексикографического описания.

Л и т е р а т у р а

1. *Апресян Ю. Д.* Избранные труды. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995. Т. 2.
2. *Иорданская Л. Н., Мельчук И. А.* Коннотация в лингвистической семантике // *Wiener Slawistischer Almanach*. 1980. Band 6. С. 191–210.
3. *Стернин И. А.* Лексическое значение слова в речи. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та. 1985.
4. *Телия В. Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986.
5. *Бамбук в снегу.* Корейская лирика VIII–XIX веков. М.: Наука. Гл. ред. восточ. литер., 1978 (перевод А. Жовтиса).
6. *Братья Хынбу и Нольбу* // *Верная Чхунхян.* Корейские классические повести XVII–XIX веков. М.: Худож. литер., 1990. С. 113–190 (перевод А. Васильева).
7. *Верная Чхунхян.* Корейские классические повести XVII–XIX веков. М.: Худож. литер., 1990.
8. *Ионова Ю. В.* Обряды, обычаи и их социальные функции в Корее (середина XIX – начало XX вв.). М.: Наука, Гл. ред. восточ. литер., 1982.
9. *Ионова Ю. В.* Формирование и характеристика корейского фонда Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого // *Корейские и монгольские коллекции в собраниях МАЭ.* Л.: Наука (Ленинградск. отд.), 1987. С. 8–31.
10. *Ким Ман Чжун.* Облачный сон девяти. Роман. Перевод с корейск. М.-Л.: Гос. изд-во худож. литер., 1961. (Перевод А. Артемовой, Г. Рачкова).
11. *Ли Эн Гю.* Гора Тэсон. Пхеньян: Изд-во литер. на ин. яз., 1979. (Переводчик не указан).

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: Диалог-МГУ, 2000. – Вып. 12. – 148 с. ISBN 5-89209-585-1

12. Паукер Е.О. Корея. Бесплатное приложение к журналу “Живописное обозрение”. СПб.: А. “Слово”, 1904.
13. Петербургское востоковедение. СПб.: Петербургск. востоковедение, 1994. Вып.5.
14. Повести страны зеленых гор. Перевод с корейск. М.: Гос. изд-во худож. литер., 1966. (Перевод Г. Рачкова, А. Артемовой и др.).
15. Хван Ген. Остров в огне. Рассказы. Перевод с корейск. М.: Военное изд-во Мин-ва обороны СССР, 1960 (Перевод Л. Журавлевой).
16. Чон Сук Хи. Эссэ. СПб.: Центр Петербург. востоковедения, 1993 (Перевод А. Васильева, Г. Рачкова, В. Тихонова и др.).
17. Большой русско-корейский словарь в 2-х томах. М.: Русский язык, 1976 (БРКС).
18. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1992.
19. Современный словарь иностранных слов. СПб.: Дуэт, Комета, 1994 (ССИС).
20. Большой словарь корейского языка Самсонпан. – Самсонпан 1986.